

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

АФЕРИСТЫ

БОМБА ДЛЯ ИМПЕРИИ



ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Бомба для империи

«ЭКСМО»

2012

Сухов Е. Е.

Бомба для империи / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012

Ни разу не бывало осечек у компании махинаторов под водительством Всеволода Долгорукова. Все их комбинации проходили как по маслу, принося солидные барыши. Вот и теперь, казалось бы, все сложилось – и сумму они взяли серьезную, и концы в воду спрятали... Да не тут-то было. Ведь аферисты, сами того не зная, присвоили деньги зловещей террористической организации «Центр», предназначенные для покушения на жизнь царя Александра Третьего. А бомбометатели – люди серьезные и шуток не прощают. И теперь компания Севы Долгорукова срочно ищет способ спастись от неминуемой расправы...

© Сухов Е. Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог, или куда ведут благие намерения	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Сухов

Бомба для империи

Пролог, или куда ведут благие намерения

– Восьмое воскресение по Пасхе сошел Святой Дух на апостолов, учеников Иисусовых. И сделался необычайный шум, и ветер, и явились им языки огненные, разделяющие их, и почил по одному из каждого из них. И стали они говорить на языках разных, дабы сообщить весть Иисусову миру всему, и исполнились они Духа Святого. И началась от Сошествия Духа Святого Церковь Христова, и открылась апостолам, а от них и людям прочим ясность учения Христова: Бог-Отец творит мир, Бог-Сын спасает людей от порабощения дьявольского, Бог-Дух освящает мир чрез Церковь христианскую...

Так говорила бабенька.

Севушка слушал ее вполуха, потому как вокруг творились вещи более интересные: дома утопали в зелени и цветах, люди дарили друг другу подарки, дамы держали в руках березовые веточки и улыбались ему. И он улыбался им в ответ. А одна барышня, похожая на его старшую сестру, которая давно улетела жить на небеса, подарила ему милого ангелочка из белой глины.

– Смотри, как он на тебя похож, – улыбнулась барышня, вкладывая ангелочка ему в ладонь. – Или ты на него. Будь счастлив, малыш, – добавила она и поцеловала его в щеку.

Самое главное началось после окончания праздничной службы в храме, когда они отправились на Девичье поле – любимое место празднования москвичами Троицына дня. Особенно когда на Девичьем поле совсем недавно было перенесено Подновинское гулянье. Празднование Троицына дня «под Девичьим», как говорили москвичи, было уже столетней традицией. На Девичьем поле был даже открыт первый в России казенный народный театр, где представления по воскресным и праздничным дням давались бесплатно.

Это было и вправду настоящее травяное поле. Оно тянулось от Плющихи и Зубовской улицы до Новодевичьего монастыря. Но на Троицын день это было не поле, а целый праздничный «гуляльный» город, состоявший из десятка балаганов, катальных гор, каруселей, артистических площадок, райков и торговых палаток.

Так уж было заведено: перво-наперво надлежало прокатиться с катальной горки. Испросив разрешения у бабеньки, Севушка дважды съехал с горы – конечно, под неусыпным ее наблюдением. Хотел было подняться на гору в третий раз, да бабенька не позволила.

– Нам надо спешить на представление, – сказала она и повела Севушку к шапиту, шатровая крыша которого виднелась саженьях в пятидесяти.

Пока шли до балагана, полюбовались на дрессированных собачек, прыгающих в кольца и гуськом семенящих меж ног клоуна с красным накладным носом.

Потом им по дороге попала раскрашенная карусель. Севушка молча посмотрел на бабеньку, и взгляд его был много выразительнее слов. Глаза молили: позволь покататься! Бабенька позволила, и Сева проехался на карусели целых два круга. Иногда мальчик закрывал глаза, и тогда казалось, что он летит и этот полет не кончится никогда...

Где-то совсем близко вдарил бравурным маршем духовой оркестр. И вслед за этим, перекрывая мелодию оркестра, закричал на все Девичье поле зазывала-раешник:

– А ну, па-адха-ади, честно-ой наро-од, на парижские картинки па-агя-ади!

Часть гуляющей публики пошла на крик зазывалы, увлекая за собой и бабеньку с Севой, – такая на поле была теснота. Подошли к райку – деревянному ящику на колесах с увеличительным стеклом спереди.

– Подходи, подходи, – кричал раешник, молодой парень, весело поблескивая бойкими карими глазами. – Град парижский погляди! Кто в Париже не был – будет. А кто был – не позабудет.

Когда публики собралось достаточно, парень стал вращать ручку деревянного ящика. Лента, вложенная в него, стала раскручиваться, и появились картинки, увеличенные линзой: площадь Вогезов, дворец Короля и Королевы, река Сена с пароходиком на ней, какая-то дама в шляпке со страусиным пером и боа, держащая в руке букет цветов. И рядом с ней – господин в цилиндре и монокле, не сводящий с нее глаз.

– Парижские моды, – прокомментировал раешник, – не для работы на огороде!

Новая картинка изображала двух парижских дам в огромных шляпах с пышными перьями, закрывающими лица. Чуть вдалеке стоял пузатый господин с окладистой бородой и, заложив руки за спину и покуривая сигару, наблюдал за дамами. Он был похож на известного московского купца первой гильдии Старцева, владельца медо-воскотопленного завода. Замечили это многие, в том числе и парень-раешник. И не преминул для сей картинки вставить реплику:

*Вот веселый град Париж,
как приедешь – угоришь!
А с Рассеи господа
ездят водку пить туда.
Едут с денежек мешком,
а назад идут пешком...*

Бабенька засмеялась вместе с публикой. Сева удивленно посмотрел на нее: что она нашла такого веселого в этих картинках? И подергал ее за руку: мол, пойдем.

И они пошли дальше, прикупив у разносчика-офени пряников и орешков. Разносчик, крепкий мужчина годов сорока, оглядев бабеньку, не удержался и произнес:

– За хрусткие орешки каленые зацелуют мужики ядреные.

Под ядреным мужиком, наверное, офеня имел в виду себя. Бабенька зарделась, как красна девица, но обиды на лице Сева не приметил. Скорее, наоборот...

Балаган-паноптикум обошли стороной. Вернее, обошла бабенька, а Сева просто был при ней. И правда, ни к чему глазеть на разных уродов: карликов кривоногих с головами-арбузами да сисястых баб с усами и бородой. А вот на фокусника посмотрели – ловко он из шляпы своей пустой через пару мгновений кролика за уши вынул.

Наконец-то! Вот они, двери шапито, раскрыты настежь. Над ними балкон не балкон, а так, раус. На раусе стоял дедок в косоворотке и стоптанных лаптях. Хи-итрый такой, и на язычок острый. Говорит, к примеру, хозяин балагана:

– Сейчас у нас будет плясание, ломание и лошади ученые, кои счет знают.

А дедок подмигнет публике и по-своему скажет:

– Сейчас у нас будут Таланья, Маланья и ложки ученые, кои мед знают.

Внутри все как в настоящем цирке или театре (хотя Сева ни разу в театре не был): ложи, места и загон, где полагалось стоять, но не сидеть. Когда с рауса зазвучал звонок, бабенька и Севушка уже разместились в ложе.

Давали Арлекинаду – пьесу итальянского театра масок, переименованную на русский лад. Смысл в ней был таков: бедняк Арлекин, или Ваня, очень хотел Коломбину-Маню (в смысле – жениться), и так сильно хотел, что отец Мани, богатый купец Кассандр, или же, по-нашенскому, Ипполит Филиппович Расторгуев, ничего с этим поделать не мог. Зато Пьеро, то бишь Петр Самсонович Лычкин, служивший у Ипполита Филипповича приказчиком, строил всяческие козни, чтобы поссорить Ваню и Маню. Потому что сам очень хотел Маню (в жены). Он

обманным путем заманил Ваню в ящик и затем распилил его, после чего верхняя часть туловища Арлекина отделилась от нижней. Однако любовь Мани к Ване была столь велика, что Ваня не помер. Более того, он вышел из ящика совсем и не разрезанным пополам, а обновленным человеком. Даже нательная рубашка на нем оказалась новая, только надеванная, равно как полосатые штаны и картуз. А вот Пьеро-Лычкину не повезло. Он с горя или страшного похмелья украл у своего благодетеля деньги из кассы, был арестован полицией и отправился на каторгу. Словом, настоящая любовь делает чудеса, и строить влюбленным козни себе дороже, – такова была мораль представления.

Выйдя из балагана, подивились на медвежью потеху, когда на предложение дрессировщика показать, как молодая девица собирается на свидание, медведь сел на тумбу, тер одной лапой морду, показывая, что он белится и накладывает на лицо румяна, а другою лапою вертел перед собой, будто так и эдак смотрелся в зеркальце.

Когда они выходили с Девичьего поля, навстречу им повстречался нищий.

– Пода-айте, Христа-а ради-и, на хлебушек, – жалостливо пропел он тонким голоском, пыхнув на них таким перегаром, что Сева невольно закашлялся, а бабеньку едва не стошнило.

Сева машинально сунул руку в карманчик и нащупал четвертак. Ему было жалко его, ведь он копил почти три недели, чтобы потом разменять у бабеньки всю мелочь на одну эту монету. Он не истратил его на орешки и сладости, не прокатился лишний раз на карусели, а ведь так хотелось! Еще раз посмотрел на жалкого нищего и со вздохом вытащил монету.

– Нате...

– Благодарствуйте, мил человек, – мигом схватил монетку нищий и спрятал ее в один из бездонных карманов своей рванины. И тотчас отвалил в сторону.

– Постеснялся бы у младенца деньги брать, – бросила ему в спину бабенька и, обернувшись к Севе, нахмурила брови: – Тебе кто разрешил деньгами распоряжаться?

– Я сам, – ответил Севушка и недоуменно посмотрел на нее: – Они же мои!

– А ты их заработал? Чтобы вот так раздавать направо и налево пьяницам всяким да нероботам? – продолжала сердиться бабенька. – Лучше бы ты этот четвертак в монастырскую кружку бросил...

– Что я такого плохого сделал? – продолжал недоумевать Сева. – Я же сделал доброе дело: подал нищему на пропитание.

– На пропитание? – переспросила бабенька и ответила сама себе с большим сарказмом: – Ка-ак же! Да он уже, поди, в кабаке сидит и водку хлещет. Да и дело твое – доброе ли – еще большой вопрос. А ну как он выпьет и буянить начнет? Лиха какого-нибудь натворит, не ровен час? В участок попадет, потом его в рабочий дом отправят. А там он чахоткой или еще чем-либо занедужит и отправится раньше срока к праотцам. А все оттого, что ему четвертак неожиданно-негаданно перепал. От тебя, стало быть... Вот твое «доброе дело» как аукнуться может.

– Но я же хотел как лучше! – чуть не плача, воскликнул Сева. – Он же на хлебушек просил...

– Я понимаю, что ты хотел как лучше, и что намерения у тебя были благие, – погладила его по голове бабенька. – А ты знаешь, куда ведут эти твои благие намерения?

– Куда? – раскрыл глаза Сева.

– Прямоком в ад.

Она тогда казалось ему старухой. Мудрой сорокапятилетней старухой. Даже тридцатилетние мужчины и женщины казались ему очень пожилыми людьми, которых из-за их старости надлежало слушаться. Так что про благие намерения, ведущие в ад, Севушка запомнил хорошо. Очень даже хорошо.

Глава 1

ЧЕЛОВЕК В ДОРОЖНОМ КОСТЮМЕ, или БЕЗ СУЧКА И ЗАДОРИНКИ

Лето 1888 года

Ленчик стоял ни жив ни мертв. На него почти в упор смотрел единственным черным зрачком шестизарядный вороненый «ремингтон». На полу лежал, хрипя и испуская последнее дыхание, Самсон Африканыч Неофитов, подстреленный Севой минуту назад. Левая сторона его груди сочилась кровью, обильно пропитавшей сюртук.

У дальней стены комнаты, вжавшись в угол и закрыв лицо и голову руками, сидел на корточках и дрожал всем телом Павел Лукич Свешников.

– Не убивайте меня, прошу вас, – скулил он, бросая на Долгорукова взгляды, полные ужаса. – Я бывший актер Городского драматического театра Свешников. Не слышали? Ну как же! В свое время я был в театре лучшим! Я играл...

– Заткнись!

– ...со стариком Писаревым и с самой Полиной Антипьевной Стрепетовой. Одним из условий ее контракта с нашим театром было то, чтобы мужа ее, Тихона Ивановича Кабанова в «Грозе» Островского, играл только я. И всегда был полный аншлаг. Целых три раза я был бенефициантом! Меня ценил сам господин антрепренер Медведев, который говорил, что я... Не убивайте меня, – уже умоляюще просмотрел Свешников на Севу. – Я ничего никому не скажу, клянусь вам...

– Заткнись, – не отрывая взгляда от Ленчика, хмуро повторил бывшему актеру Всеволод Аркадьевич. – Ты будешь следующий.

– Что вы делаете?! – вскричал человек в полосатом дорожном костюме. Он был весь покрыт крупными каплями пота и тряс полными щеками. – Остановитесь!

– Что я делаю? – недобро усмехнулся Всеволод Аркадьевич Долгоруков. – Собираюсь пришить этого подонка, – он указал подбородком на бледного трясущегося Ленчика. – А потом пришью во-он того старикашку-актеришку, который был трижды бенефициантом. Нам с вами свидетели-бенефицианты не нужны.

– Но... Но... Но это будет уже тройное убийство! – едва сглатил с дрожащими губами человек в полосатом дорожном костюме, мельком глянув на застывшего уже навечно с приоткрытым ртом Африканыча, из уголка губ которого змейкой стекала на подбородок алая струйка крови. – Это же бессрочная каторга!

– А что вы предлагаете сделать с человеком, пытавшимся нас кинуть и забрать все деньги, мои и ваши?! – Долгоруков посмотрел на кожаный саквояж, стоящий раскрытым на полу у его ног. Саквояж был полон денег, и толстые пачки банковских билетов, в беспорядке сложенные в нем, маняще выглядывали из саквояжа своими разноцветными пухлыми боками. – Может, вы, сударь, еще предложите мне троекратно расцеловать его и отправить на отдых в Ниццу или для поправки пошатнувшегося здоровья в Баден-Баден? Вы именно это хотите мне предложить, милостивый государь? – спросил он с нажимом.

– Нет, но...

Сева негодуяще посмотрел на человека в полосатом дорожном костюме и не дал ему договорить:

– А вы что, не знали, на что идете? Там, где большие деньги, всегда могут случиться большие неприятности.

– Да я только хотел по-быстрому сыграть на бирже, – булькнул тот горлом.

– Сыграли, – резюмировал Сева. – Выиграли. Я вам в этом помог. А эти вот, – Долгоруков мельком глянул на Африканыча и снова вперил острый взгляд в Ленчика, – хотели присвоить наши деньги себе. И расплата за это – смерть! С предателями у меня разговор короткий.

Он взвел курок «ремингтона». Барабан повернулся, негромко шелкнув. Сейчас прозвучит выстрел...

– О боже, – уже взмолился человек в дорожном костюме. – Не делайте этого, Вольдемар! Умоляю вас ради всего святого!

– Я это сделаю, – твердо заявил Долгоруков. Он прищурился и злобно посмотрел на Ленчика: – Молись, гад.

Ленчик беззвучно зашевелил губами. Глаза его были полны слез и заклинали о пощаде. Непросто, господа, расставаться с жизнью неподготовленным. Однако подходит момент, когда... когда... Еще немного, и Всеволод Аркадьевич Долгоруков вцепит револьверную пулю прямо Ленчику в лоб.

Под окном послышался стук копыт, и через пару мгновений в дверь громко застучали.

– Кто это? – бледнея, спросил человек в полосатом дорожном костюме. Его толстые щечки опять мелко затряслись.

Сева пожал плечами.

– Откройте, полиция! – слышалось из-за двери. – Именем закона, откройте!

Человек в полосатом дорожном костюме заметался:

– Мне нельзя здесь оставаться. Если фараоны увидят меня здесь, рядом с трупом и деньгами, – мне крышка!

– Так вы не будете брать деньги? – спросил Сева.

– Какие деньги, господи боже мой! Мне надо побыстрее спастись! И что будет, если полиция поймает меня с саквояжем денег?! Я ведь под надзором полиции, и малейшее подозрение грозит мне арестованием и судебным следствием...

Человек в дорожном костюме беспомощно посмотрел на Всеволода Аркадьевича. Холодный пот буквально заливал ему лицо, скатывался по круглому подбородку.

– Здесь есть черный ход, – сказал Сева Долгоруков. – Давайте туда, быстро! – указал он в направлении темного коридора. – Там в конце – дверь.

– А вы?

– Что – я?

– Как же вы?

– А-а... Живым я им в руки не дам, – твердо произнес Всеволод Аркадьевич, и лицо его приобрело гранитную твердость. – Это точно! Буду отстреливаться. – Он покачал зажатой в руке «ремингтоном». – До последнего вздоха и последнего стука сердца.

Человек в полосатом дорожном костюме кинул прощальный взгляд на саквояж с деньгами, а потом стрелой метнулся по коридору. Через мгновение послышался звук открываемой двери...

Всеволод Аркадьевич опустил ствол «ремингтона» и дважды выстрелил в пол. Человек с щечками, залитыми потом, услышав выстрелы, побежал. Он бежал, а точнее, летел, не оборачиваясь, и ежели бы сейчас он принимал участие в легкоатлетических соревнованиях по бегу, то непременно пришел бы к финишу одним из первых, заняв призовое место. Ноги сами несли его к паровой пристани. Отбежав на почтительное расстояние, он услышал из заброшенного дома, где минуту назад простился с деньгами для «Центра», еще два выстрела.

Ему несказанно повезло. На пристани, издавая последний протяжный гудок, приглашающий пассажиров как можно скорее заканчивать ритуал прощания с родными и близкими и грузиться, стоял под всеми парами двухпалубный пароход «Витязь», конечным пунктом следования которого значился Нижний Новгород. Без вещей, без собранных для «Центра» денег, человек в полосатом дорожном костюме купил билет во второй класс и ступил по сходням на

пароход, холодея от одной мысли, каким образом он будет объясняться в Цюрихе с Густавом. Но собственная свобода была дороже денег «Центра» и неудовольствия Густава...

Когда пароход отчалил от пристани, человек немного успокоился и стал придумывать себе оправдание. В Нижнем Новгороде, когда он ожидал поезд до Москвы, основные пункты оправдательной речи перед Густавом были придуманы. И когда он уже сел в Москве на поезд до Петербурга, речь эта была готова полностью.

Позже, когда Густав выслушает его, то надолго задумается, а затем примет решение, которого более всего боялся человек со щечками.

Серьезный человек был этот Густав...

* * *

После того как Сева вторично выстрелил в пол, он прошел к черному выходу. Дверь оставалась открытой. Выглянув, осмотрелся, но человека в полосатом дорожном костюме видно не было.

Что ж, на этом и строился его расчет. Попавший, надо сказать, в самое яблочко.

Собственно, таковое было не впервые. Всеволод оттого и занимал первенствующее положение среди его товарищей и друзей, что быстрее других мог найти выход из любой, самой сложной ситуации. Ну, а если уж он брался за какую-нибудь аферу, то продумывал все до самых мельчайших деталей, которые хоть сколько-нибудь могли повлиять на ее конечный исход. И всегда оказывался победителем. Посему первенства с ним в его команде никто не оспаривал, хотя, к примеру, Африканыч был не менее сообразителен и тоже мог придумать такой план, который бы, несомненно, привел их к выигрышу. К тому же с Африканычем они были друзья, а дружба, в отличие от любви, не предполагает первенства...

Словом, когда человек в полосатом дорожном костюме исчез из виду, Всеволод Аркадьевич усмехнулся и вернулся в заброшенный дом. Затем неторопливо открыл «парадную» дверь, и в дом вошли «граф» Давыдовский и «старик» Огонь-Догановский. Павел Иванович был в полицейском мундире квартального надзирателя, с шейной бронзовой медалью на Анненской ленте, которые выдавались полицейским чинам «За усердие», а Алексей Васильевич Огонь-Догановский изображал пожилого прокурорского следователя.

– Ну, что? – спросил «прокурорский следователь».

– А все, старик, – ответил Сева. – Клиент, как оно и предполагалось, ретировался, а денежки, – Всеволод Аркадьевич слегка пнул носком штиблеты кожаный саквояж на полу, – остались.

– Слава тебе, господи, – выдохнул Огонь-Догановский, присаживаясь на некоторое подобие табурета. – Выгорело, значит?

– Выгорело, – с облегчением ответил Долгоруков. – И мы стали богаче на сто восемьдесят тысяч с лишком.

Он посмотрел на Ленчика и улыбнулся. Тот улыбнулся в ответ. Из дальнего угла, отняв от лица руки, щерился в беззубой улыбке отставной актер Городского драматического театра Свешников, который и правда играл некогда вместе с самими Писаревым и Стрепетовой.

– Вставай, Африканыч, чего разлегся, – Всеволод слегка подпихнул носком штиблеты Неофитова. – Хорош jouer la comédie¹.

Африканыч лежал и не подавал признаков жизни.

– Эй, покойничек, поднимайся! – подошел к бездыханно лежащему Неофитову Давыдовский. – Мотаем отсюда, пока нас действительно не сцапала полиция.

¹ Ломать комедию (фр.).

«Тело» Африканыча шумно вздохнуло. Затем присело и вытянуло вперед руки. Глаз Неофитов не открывал. Встав с пола, он, с по-прежнему закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками, словно собираясь кого поймать, сделал несколько неуверенных шагов по направлению к Севе, как панночка-ведьма, которая встала из гроба в церкви во время свершения молитвы философом Хомой Брутом из рассказа славного сочинителя Гоголя.

– Подымите мне веки, не вижу, – не раскрывая рта, чревовещательно произнес Африканыч подземным голосом. Ну прям как то самое косолапое чудище Вий из гоголевского сказа перед тем, как указать железным пальцем на философа Хому.

– Щас я тебе подыму, – усмехнулся в ответ Долгоруков, убирая от себя протянутые руки Африканыча с шевелящимися пальцами. – Вот лишу тебя твоей доли – тогда узнаешь.

Неофитов быстро раскрыл глаза:

– А вот на это у тебя, Всеволод Аркадьевич, нет никакого права, – заявил он не без сарказма, стирая с губы и подбородка красную струйку, изображавшую кровь, и выплевывая изо рта остатки капсулы с алой краской. – Сначала, видите ли, стреляете в меня, – он потрогал грудь, мокрую от «крови», – а потом собираетесь лишиться законной доли? Не выйдет, многоуважаемый друг! Я в нашей махинации был центральной и убиенной насмерть фигурой. А первостепенных фигурантов долей не лишают!

– Ладно, фигура, – улыбнулся Долгоруков. – Ленчик, прибери здесь все – и домой!

Так окончилась афера, о плане которой Сева рассказал своей команде еще на третий день после окончания инцидента с картиной Тициана «Портрет Карла V». Афера прошла – лучше не бывает, можно в учебники вносить. Естественно, по криминалистике. Долгоруков со своей командой грамотно и тонко раскрутили неумного, но жадного до денег курьера, везшего в Санкт-Петербург деньги откуда-то с Урала и остановившегося на время в Казани. Зря, надо сказать, он здесь остановился. А деньги при нем, следует заметить, были хорошие. Даже весьма.

Махинаторы во главе с Севой сыграли на его жадности, познакомившись и заведя с ним дружбу. Дружба же предполагает доверительность и откровенность. Вот они и предложили человеку в полосатом дорожном костюме якобы по дружбе быстро и без особых усилий прокрутить деньги на бирже. Предложение было заманчивым, на первый взгляд беспроектным и сулило хорошую выгоду.

– Процентов пятнадцать-восемнадцать навару я тебе через неделю гарантирую, – заверил курьера Сева Долгоруков, представившийся Вольдемаром.

И не обманул: ровно через семь дней добавил к имеющимся ста восьмидесяти трем тысячам рублей, что были у курьера, двадцать пять тысяч своих кровных рубликов, выдав их за полученные проценты. Но когда курьер с Севой пошли забирать деньги, им их отдавать не захотели Африканыч с Ленчиком, представлявшие из себя прожженных биржевых кидал с махровым уголовным прошлым. Пришлось отбирать у них деньги силой, а самих кидал «наказывать» по всей строгости уркаганских понятий.

Потом якобы приключилось убийство, вышла нешуточная стрельба, объявилась «полиция», от которой надлежало «делать ноги». Все по закону жанра. Как это всегда бывает, когда план продуман до самых мельчайших деталей и предусмотрено все, даже то, чего ни при каких обстоятельствах не может произойти. И закончилась афера весьма благополучно. Ведь денежки – вот они, в саквояжике у ног. А курьер уже, верно, далеко за пределами губернии. Ведь он уверен, что Долгоруков в заброшенном доме перестрелял всех свидетелей и в конечном итоге был убит полициантами, которым оказал отчаянное сопротивление. Сто восемьдесят тысяч же прибрала к рукам полиция в качестве главной улики. И не видать этих денег уже более никому...

Так думал про курьера Сева Долгоруков. Курьер про Севу думал примерно так же. Но был один человек, который думал иначе.

Глава 2

ИЗ СТУДЕНТОВ – В ПОСВЯЩЕННЫЕ, или ПРИГОВОР ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Человек в полосатом дорожном костюме дрожал, как осиновый лист. Таковое сравнение хоть и заезжено и применяется господами сочинителями довольно часто, однако в данном случае вполне уместно. Ибо курьер тайной организации, не доvezший денег до места назначения, является уже не курьером и доверенным лицом, а олухом, болваном, предателем и даже самой что ни на есть распоследней сволочью. А как карают предателей и сволочей? Конечно же, смертью! Вот человек в полосатом дорожном костюме и дрожал. Именно как осиновый лист на осеннем ветру.

– Виноват, виноват, – беспрестанно твердил курьер, боясь поднять глаза на Густава, который, несмотря на тридцать с небольшим лет, занимал в «Центре» далеко не последнее положение, в определенных кругах слыл уже человеком-легендой, славился исполнением данного слова и твердостью характера и совершенно не ведал жалости. Так о нем говорили...

– Нет, ты не понимаешь, насколько ты виноват, – не повышая голоса, холодно произнес Густав. – Ты сорвал акцию, которую «Центр» готовил полгода! Тебе что, не хватает денег?

– Хватает, – нервно сглотнул человек в полосатом дорожном костюме. – Бес попутал.

– Бес?! – В Густаве стала закипать ярость. – Это ты говоришь мне – бес попутал?

– Он самый, – курьер не знал, что еще говорить.

– Брось мне эти русские штучки: «бес попутал». Жадность тебя попутала. И твоя непролазная тупость...

Густав уселся в кресло и вперился взглядом в курьера. Ему он не предложил сесть. Это означало не только верх неприязни и неуважения, но и высшую степень гнева. И курьер об этом прекрасно знал...

– Это они... Они меня ввели в искушение... – пролепетал он, еще надеясь изменить отношение Густава к себе. Хотя бы от гнева просто к раздражению и неудовольствию.

– Они? – Густав криво усмехнулся. – Значит, не бес?

– Они. – Курьер снова нервно сглотнул – Вольдемар этот. И еще двое... Ленчик и... как его... Африканыч...

– Давай по порядку. И все сначала... – приказал Густав и приготовился слушать. Хотя для него, в общем-то, все было понятно.

– Ага, – снова судорожно сглотнул провинившийся. – Значит, так... Поначалу все шло очень хорошо. Монгол и Купец дали столько денег, сколько и обещали. Они всегда, надо сказать, держат свое слово...

– Знаю, дальше...

– Еще один человек – он просил сохранить его имя в тайне – дал три тысячи рублей серебром. «На дело революции не жалко отдать и последнее», – так заявил он. А в Казани случилась вынужденная остановка. Ведь прямого железнодорожного сообщения с Москвой у нее до сих пор нет, – словно бы нашел некоторый оправдывающий его момент курьер. – У всех городов есть, а у Казани нет.

– И ты решил по-быстрому сыграть на бирже? – не сводил с него гневного взгляда Густав.

– Да, – убито произнес курьер. – Уж очень заманчивым показалось мне предложение Вольдемара. Пятнадцать процентов за неделю... Железные гарантии... Не устоял. – Он опустил голову, только теперь начиная понимать, каким же все-таки оказался безмозглым недоте-

пой... – На бирже у Вольдемара были свои люди: Африканыч и Ленчик. Полностью я их имен не знаю...

– А у этого Вольдемара какая фамилия? – спросил Густав.

– Не знаю! – произнес в крайнем отчаянии курьер. – Он не сказал, а я не настаивал. Теперь-то я понимаю, что в первую очередь я должен был прояснить, кто эти люди, а уж потом...

Он и правда был непроходимо туп. Все же Густав решил сказать ему, чтобы тот хоть немного понял:

– Ты не должен был прояснять, кто эти люди, ибо это совершенно неважно. Потому что ты не должен был сводить с ними знакомства и не должен был доверять им чужие деньги. Впрочем, и свои тоже... – Густав мельком посмотрел на курьера: понимает ли тот, о чем он ему говорит? Однако понимания в его глазах не обнаружилось. Страх – да, имелся. А вот понимания, что и о чем говорит ему Густав, пожалуй, не было... – А все случилось потому, что возможная выгода затмила тебе мозги.

– Виноват...

– Значит, имена у них вымышленные, – резюмировал Густав.

– Я думаю, это их прозвища...

– Меня не интересует, что ты думаешь, – сказал, как отрезал, Густав. – К тому же я очень сомневаюсь, что ты вообще умеешь думать... Ладно. Как вы познакомились с этим Вольдемаром?

– Произошло наше знакомство как-то случайно. Ну, знаете...

– Нет, не знаю, – оборвал его Густав. – Дальше...

– Вольдемар сказал, – голос курьера начал подрагивать, – что скоро поднимутся акции Березовских золотых копеек. И если сейчас их купить, а когда акции поднимутся – продать, можно будет сорвать весьма неплохой куш... Африканыч, человек Вольдемара на бирже, подтвердил, что через несколько дней акции Березовских золотых рудников резко поднимутся в цене...

– Березовские рудники – это под Екатеринбургом? – спросил Густав, выказав некоторые знания относительно предмета разговора.

– Да.

– Дальше, – коротко приказал Густав.

Курьер подобострастно кивнул:

– Когда я был за Уралом, то слышал от Купца то же самое. Он как-то мельком сказал, что будет вкладываться в акции Березовских рудников. Мол, это становится выгодным предприятием и в скором времени принесет большие деньги. Это и сыграло решающую роль... И я вложился...

– «Я вложился», – зло передразнил Густав. – Ты бы вложился, если бы это были твои деньги. Но это были деньги «Центра», очень нужные нам в создавшейся ситуации. И ты рисковал не своими средствами, что было бы твоим личным делом, а средствами организации, предназначенными для проведения запланированной акции, которую ты, – Густав протянул указательный палец, указывая на курьера, – предательски сорвал...

– Виноват...

– Хватит! – едва ли не со всей силы стукнул кулаком по подлокотнику кресла Густав. Это «виноват», похоже, раздражало его более, нежели сам факт утраты денег. – Что было дальше? Говори все, до самой мельчайшей подробности, чтобы я смог составить полную картину того, как ты предал наше дело и кто тебя к этому подвигнул!

– Я не хотел...

– Именно хотел! – крикнул на курьера Густав. Он уже не мог сдерживаться. – Если бы ты не хотел, то деньги лежали бы сейчас у меня на столе! Давай рассказывай. Мне нужны подробности!

Похоже, язык у человека в полосатом дорожном костюме прилип к нёбу. Сглотнув, он заговорил:

– В-все шло поначалу х-хорошо. Мы к-купили акции, и буквально на вт-торой день они стали расти в цене. Подождав, пок-куда они достигнут максимальной стоимости, мы скинули их и п-получили большой навар. Мне п-причitalось двадцать пять ты-тысяч...

– Ты бы положил их в собственный карман, так? – зло ощерился на курьера Густав.

– К-клянусь, что прибыль я употребил бы для дела и ни за что не позволил бы себе...

– Не надо попусту клясться, – оборвал его Густав. – Не делай больше этого никогда.

– Не буду...

– Конечно, не будешь... Дальше.

Курьер вздохнул:

– Дальше оставалось только получить деньги. И тут Африканыч и Ленчик решили нас кинуть и присвоить себе деньги.

– Каким образом?

– Захотели скрыться с деньгами.

– Но Вольдемар помог? – с едва уловимой насмешкой посмотрел на курьера Густав. – И счастливо отыскал беглецов в каком-нибудь тихом и укромном месте?

– Да-а, – оторопело произнес человек в полосатом дорожном костюме. – Откуда вы знаете?

– Неважно, – ответил Густав. – Продолжай.

Курьер кивнул:

– Он нашел их в каком-то заброшенном доме, саквояж с деньгами при них. Вольдемар был очень зол и застрелил Африканыча...

– Насмерть? – спросил Густав, весьма непонятно посмотрев на него.

– Именно, – ответил курьер, – прямо на моих глазах. То же самое он хотел сделать и с Ленчиком. Сказал, что такого предательства не прощает никому...

– Он прав, – произнес Густав. – Предательства прощать никому нельзя.

Курьер несколько раз сморгнул:

– После Ленчика он собирался пришить старика. Как свидетеля.

– Какого старика?

– Отставного актеришку. Тот, похоже, спился и просто жил в том заброшенном доме.

– Убил? – коротко спросил Густав.

– Не знаю, – не сразу ответил курьер.

– А Ленчика убил?

– Скорее всего, убил. Да, убил...

– Что же так неуверенно отвечаешь?

– Я только слышал выстрелы... – нерешительно отозвался человек в полосатом дорожном костюме.

– Сам, значит, не видел?

– Нет... К тому времени я уже покинул дом, – с дрожью в голосе произнес курьер.

– Сбежал, стало быть.

Курьер робко посмотрел на Густава, а потом проговорил в отчаянии:

– А что мне оставалось делать? Ведь пришла полиция и стала ломиться в двери. Они же могли арестовать меня.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся Густав. – Ты ведь не видел этих фараонов?

– Не-ет...

Густав лишь едко хмыкнул:

– Ясное дело – не видел. А как тебе удалось сбежать? – спросил он. И тут же остановил сам себя: – Нет, позволь, я догадаюсь сам... – Он приложил руку ко лбу, а потом, словно осененный идеей, произнес: – Тебя вывел черным ходом Вольдемар. И, конечно, без денег.

– Да-а... – протянул курьер. – Но если бы я попался с деньгами, было бы еще хуже...

– Конечно, конечно... Кто же спорит? – Густав, похоже, уже ненавидел курьера. – А когда ты мчался от заброшенного дома, словно заяц, то слышал выстрелы, так?

– Слышал... – Удивлению человека в полосатом дорожном костюме не было предела. Не зря в организации говорят, что Густав видит людей насквозь и все знает. Он и правда всевидящ и всезнающ...

– И ты подумал, что это Вольдемар пришел Ленчика и старика-актера, а потом ворвавшиеся в дом фараоны подстрелили самого Вольдемара, потому что он оказал им сопротивление? Так? – спросил «всевидящий и всезнающий».

Курьер молчал, пораженный: всеведению Густава решительно не было границ...

– Мда-а, – протянул тот после недолгого молчания, во время которого он устало и, как могло показаться на первый взгляд, уже безразлично созерцал человека в полосатом дорожном костюме.

И кто только производит таких недоумков? А главное, как они просачиваются в такое серьезное дело, как политический террор, способный повлиять на весь ход мировой истории? Надо как можно скорее доложить в «Центр», что человек, заведующий кадрами организации, скорее всего, выжил из ума и перестал разбираться в людях. Или он недобросовестно относится к делу, что еще хуже. Если дальше так пойдет, то скоро все придется делать самому: и финансировать акции, и создавать тайные ячейки, и изготавливать бомбы, и самому же кидать их в государей.

А что делать с этим? Густав, стараясь быть спокойным, посмотрел прямо в глаза побелевшему курьеру. Разве такому слабому человеческому материалу можно доверять?

Тупоголовая, жалкая скотина! Ведь младенцу было бы ясно: с игрой на бирже – это подстава. И его просто раскручивают без особых затей, чтобы потом элементарно «кинуть». На это указывало все: вымышленные имена; случайное знакомство с этим Вольдемаром, который, очевидно, главный в их шайке; появление «фараонов», настоящих или подложных, но тоже из их шайки; счастливое спасение от ареста... Курьера просто-напросто развели, как бестолкового гимназиста!

Стоп!

Актер... Конечно, он тоже махинатор, и тоже в их шайке, но, возможно, актер-то он взыскательный...

Густав старался говорить теперь спокойно:

– Ты говорил об отставном актере...

– Каком актере? – непонимающе сморгнул человек в полосатом дорожном костюме.

– Который проживал в том заброшенном доме, где вы с Вольдемаром настигли Ленчика и Африканыча, – терпеливо и уравновешенным тоном напомнил Густав.

– А-а! Да, там был старик-актер. Бывший. Наверное, жил там, – спохватился курьер.

– Расскажи о нем поподробнее.

Человек в полосатом дорожном костюме напряг память. То есть старательно сморщил лоб в складки, сделав при этом пресерьезное лицо. Сейчас он вспомнит про старика-актера, Густав успокоится и отпустит его. Конечно, ему больше не поручат ездить за деньгами для «Центра», но ему этого и не надо: слишком хлопотная работенка! Уж лучше прислуживать, чем подвергать свою жизнь опасности. И вообще, надо бы уходить от этих рискованных людей. Ведь он пришел в организацию за романтикой, ну и деньгами, конечно, – а вместо этого его

постоянно подвергают какому-то необоснованному риску: того и гляди, жандармы пристрелят в каком-нибудь глухом переулке или пьяный громилка пырнет ножиком в темной подворотне.

– Ну, это спившийся старик, – наконец принялся отвечать курьер. – Он сам назвал свою фамилию – Свешников. А, еще он говорил, что бывший актер Городского драматического театра. Рассказывал, что когда-то был в местном театре лучшим из труппы...

– Когда? – перебил Густав.

– Что? – не понял курьер.

– Я спросил: когда он служил в театре и был лучшим в труппе? – повторил свой вопрос Густав.

– Не знаю, – человек в полосатом дорожном костюме для убедительности пожал плечами.

«А что ты вообще можешь знать, тупая скотина?» – вяло улыбнулся Густав. Все. На этого ничтожного человека не стоит тратить эмоции и время. Он перестал для него существовать, как только провалил задание «Центра». Еще пара вопросов – и пусть катится на все четыре стороны. Но не очень далеко. Чтобы долго не искать...

– Что еще тебе известно про этого Свешникова? Ну! Вспоминай! – подстегнул курьера Густав.

– Он еще говорил, что играл с актером Писаревым и Полиной Стрепетовой. Это тоже актриса, весьма известная.

– Знаю, – сказал как отрезал Густав. – Это все?

– Все, – виновато ответил курьер.

– Не густо, но уже кое-что, – холодно подвел итог разговору с курьером Густав. – У тебя есть еще что-нибудь сказать?

– Н-нет, – нерешительно ответил курьер. – Да, – поправился он. – А что будет со мной?

– С тобой? – Густав как-то удивленно посмотрел на него. – Ты больше никогда не будешь исполнять обязанности курьера...

– Понял, – с готовностью отозвался тот.

– Никогда больше не получишь никакого ответственного поручения ни от «Центра», ни от меня...

– Понял.

– И совершенно забудешь все, чем здесь занимался.

– Понял, – повторил курьер и облегченно вздохнул: кажись, пронесло...

– Теперь ступай.

Человек в полосатом дорожном костюме помялся.

– Я бы хотел принести вам свои личные извинения по поводу... по поводу случившегося, – робко произнес он. – И заверить вас, что больше никогда... никогда подобного не повторится...

– Разумеется. Ступай, – слегка повысил голос Густав.

Курьер надоел ему, как говорят у русских, хуже пареной репы. Хотя что такое «пареная репа», Густав не ведал. Зато знал, что никакой оплошности курьер и в самом деле никогда уже не повторит, потому что...

– Благодарю вас, – склонил в поклоне голову человек в полосатом дорожном костюме.

Когда он вышел из комнаты, Густав легонько тренькнул в колокольчик. Портьера, закрывающая большое арочное окно виллы, отодвинулась, и из-за нее показалась фигура невысокого плотного мужчины.

– Все слышал? – спросил его Густав.

Мужчина кивнул. В неярком электрическом свете лампы Эдисона блеснули стеклышки очков в золотой оправе.

– Сначала – курьер, – Густав указал головой в сторону ушедшего человека в полосатом дорожном костюме. – Надо, чтобы все выглядело как обычный несчастный случай. Нечаянно

утонул в озере, попал под колеса дилижанса, убило в горах молнией... Да мало ли что еще! – Густав усмехнулся, увидев, что брови человека в очках шевельнулись. – Ладно, ладно, прошу прощения. Понимаю, ученого учить – только портить. Затем, – усмешка мигом стерлась с его губ, – отставной актер. Поедешь в Россию, в губернский город Казань. Не был в нем, ничего о нем не знаю, но слышал – город этот похож на Москву, только мельче масштабом... Так вот: там найдешь этого актера Свешникова и встрясешь из него все, что ему известно о Вольдемаре, Ленчике и Африканыче. Главный у них, полагаю, этот самый Вольдемар. Это шайка аферистов, которые украли у «Центра» деньги, сто восемьдесят три тысячи русских рублей. Верни их мне. А всех этих мошенников... – и Густав столь выразительно посмотрел на человека в очках, что окончания фразы не потребовалось. А зачем? Было ясно и так, что он имел в виду.

Человек в очках с золотой оправой и Густав знали друг друга не первый день, и весьма неплохо. Они даже находились в дружеских, или подобно дружеским, отношениях, насколько это возможно между начальником (Густав) и подчиненным (человек плотной позитуры). Помимо прочего, их связывало общее дело, которое нередко сближает больше, нежели, скажем, обучение в одной гимназии или университете или служба в одном отделении департамента. Словом, прочие слова были излишними.

Человек в очках с золотой оправой получил у секретаря Густава деньги и, не прощаясь, покинул виллу. Вышел он так, что его не заметили ни привратник, что сидел в своей будке у ворот усадьбы, ни садовник, который, пользуясь наступившим вечером, вышел полить куртины с ренонкулями и испанскими ясминами, что, собранные в гирлянду, так превосходно смотрятся на дамских шляпках из белого шелкового муара.

* * *

Густав – это было прозвище, данное ему «Центром». Паспорт на имя Густава Карловича Рентшке он получил также от «Центра», когда выполнил свое первое задание, после которого вскоре стал полноправным членом могущественной тайной организации. Но случилось это не вдруг, и тем более не случайно...

В действительности Густава звали Александром Ипполитовичем Дембовским. И был он из славного и очень древнего вестфалийского рыцарского рода фон ден Броэлей графов Плятеров, а также не менее славного саксонского рода баронов фон Зибергов. По женской линии. По мужской же линии Густав являлся потомком поневежского мещанина Ипполита Ароновича, его законнорожденным сыном. Так уж вышло, что Эмилия, дочь баронессы Изабеллы-Хелены фон Зиберг и графа Михаила Броэля-Плятера, полюбила еврея-аптекаря Ипполита Дембовского и вышла за него замуж. Или это еврей-аптекарь смог каким-то хитроумным способом влюбить в себя представительницу двух славных древних родов – неважно. Конечно, после подавления польского восстания 1830–1831 годов графов Плятеров значительно поприжали. Но все же разница между потомственными рыцарями и отпрыском поневежского мещанина была колоссальной. Однако Эмилия фон ден Броэль-Плятер сумела настоять на своем выборе и вышла за молодого аптекаря. Барышня она была весьма своенравная, и спорить с ней было себе дороже. Кроме того, она привыкла, чтобы все ее желания исполнялись незамедлительно, а молодого аптекаря Ипполита она возжелала со всей страстностью девы, мечтающей поскорее стать женщиной.

Ипполит был черноглаз и чернобров, притом необычайно красив. Все эти качества плюс природная сообразительность и изощренный ум передались от Ипполита сыну Александру. А от матери он унаследовал твердость характера, привычку доводить начатое дело до конца, чего бы это ни стоило, и аристократизм. Его происхождение (как по материнской линии, так и по отцовской) также повлияло на то, что он стал полноправным членом тайной организации

«Центр» и вошел в число посвященных, что было сродни генеральскому чину, ежели судить по иерархии военной, или чину тайного советника, сообразуясь с иерархией статской.

Родился Александр Дембовский в 1857 году в местечке Могильницы Плоцкого уезда Плоцкой же губернии верстах в ста от Варшавы. После окончания гимназии поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Учился хорошо, но не перетруждал себя, как иные приезжие провинциалы, стремящиеся выделиться успехами в учебе и тем самым получить по окончании университета хорошее назначение на службу. Он тотчас вступил в нелегальное польское землячество и получил от него свое первое задание: организовать революционный кружок. Организовал. Потом еще один. И еще... С организаторскими способностями у него был полный порядок, он обладал ими в полной мере.

Вскоре «Центр» обратил внимание на Александра Дембовского. Ибо организаторы и исполнители в одном лице – это находка для любого серьезного общества или предприятия. «Центр» ввел Дембовского в «Rada Sekretna» – «Тайный совет шестерых», являющийся, по сути, Центральным комитетом всех социалистических революционных сообществ Польши, Литвы и России. И неким филиалом «Центра» в Российской империи.

Покудова Дембовский использовался «Центром» втемную. Но у таинственной и глубоко законспирированной организации, имевшей штаб-квартиру в Швейцарии, на него уже имелись серьезные виды. Не за горами было и посвящение в полноправные члены тайной организации под названием «Центр», управлявшей не только судьбами десятков тысяч людей, партий и организаций, но даже судьбами стран и народов. «Мы творим историю», – гласил девиз этой организации. На дверях штаб-квартиры «Центра» в Женеве висела старинная медная табличка с надписью золотом: *Fatis huc te poscentibus affers*. А на дверях зала заседаний действительных членов «Центра» было золотом начертано:

Agendae rei tempus.

Это Александр Дембовский увидит позже. Когда войдет в эти двери уже посвященным...

* * *

Первым поручением «Центра» было объединить все польские революционные группы в одну мощную группу, которая могла бы противопоставить себя русской администрации в Царстве Польском. Дембовский выполнил его блестяще: созвал в Вильно съезд, который закончился образованием «Союза революционных партий». Более того, ему удалось установить тесную связь с наиболее радикальным крылом «Народной воли», а в «Союзе» войти в Центральный комитет и взять на себя руководство «техническими» вопросами. Так хотел «Центр». Александр Ипполитович, заведывая варшавской типографией, подведомственной партии «Пролетариат», умудрился устроить в Петербурге тайную типографию, публикующую революционные прокламации, призывающие к «свержению царизма».

Осенью 1883 года он снова поехал в Петербург, где по заданию «Центра» вел переговоры с представителями «Народной воли» о координации действий и вхождении ее в «Союз революционных партий». Почти получилось. По крайней мере, родился «договор» между «Народной волей» и партией «Пролетариат» о ведении совместных террористических действий против российского императора и первых его приспешников. События первого марта 1887 года, собственно, были прямым результатом этого «договора».

Ближе к зиме начались аресты. После того как взяли одного из ближайших его сподвижников, Дембовский выехал из Петербурга в Юрьев. Полиция метнулась за ним.

Дембовский, чуя, что фараоны дышат ему в затылок, отправился в Варшаву. Выбывшим из Юрьева в Варшаву он значился, прибывшим в Варшаву – нет. Циркуляром Департамента полиции от 4 декабря 1883 года он был объявлен разыскивающимся с последующим арестова-

нием при задержании. Но след его затерялся... Потом в его судьбу вмешались некие могущественные силы, и, по соглашению министра внутренних дел и министра юстиции Российской империи, в середине 1884 года дело о нем было приостановлено впредь до явки или задержания. В том же году Александр Дембовский – точнее, теперь уже Густав Рентшке – вошел в двери со старинной медной табличкой, на которой было выведено золотом на латыни: *Ты явился сюда по велению Судьбы.*

* * *

Новым поручением «Центра» для Густава была подготовка покушения на начальника Варшавского охранного отделения подполковника Отдельного корпуса жандармов Секеринского и товарища прокурора Варшавского окружного суда по политическим делам Янкулио. Однако кто-то настучал в охранку, и перед самым покушением на Янкулио Густава задержали.

– Ага! Попался! – Молоденький жандарм начал шарить по карманам Густава в надежде отыскать револьвер. – Крупная, видать, рыба!

Его окружили еще двое жандармов.

– Ну что, пошли в управление? – сказал старший из них.

– Пошли, – согласился Густав.

Жандармы взяли извозчика. Один – молодой – сел рядом с Густавом. Двое других расположились напротив.

– Значит, ты хотел убить нашего начальника? – спросил молодой в нарушение всяческих инструкций, запрещающих разговаривать с задержанным. Но его буквально распирало: как же, участвовал в арестовании особо опасного политического преступника, террориста. За это, говорят, бронзовые медальки дают...

– Да, – спокойно ответил Густав. – И убью. Попозже...

– Секеринский тебя уже больше не отпустит... – пораженный наглостью и смелостью арестованного, произнес молодой жандарм.

– Не отпустит, это точно, – кивнул головой Густав. – А знаете что? – спросил он, краем глаза наблюдая дорогу.

– Что? – приоткрыл рот молодой жандарм.

– Я тогда сбегу!

С этими словами он двинул локтем связанных рук молодого жандарма в бок и точно на повороте улиц, когда извозчик притормозил лошадь, выпрыгнул из коляски. Упал на бок, поднялся и стремглав свернул во дворы.

– Держи! – крикнул самый молодой из жандармов и сиганул из коляски вслед за Густавом. Старший жандарм остановил коляску и вместе со своим товарищем тоже кинулся вослед. Но нескольких мгновений замешательства хватило на то, чтобы Густав скрылся.

– Ушел «сквозняками», – констатировал старший из жандармов, когда преследование не принесло никаких результатов. – Вот уж нам бу-удет... На орехи в задние ворота. Так что готовьтесь, ребята.

Вот те и медальки, мать их...

Густав бежал дворами. Со связанными руками. Куда бежать, он знал. От него шарахались попадающиеся навстречу прохожие, но он мало обращал на это внимания. Его целью был один из последних на Сенной улице деревянных домов, который еще не снесли согласно новому городскому плану. Какой-то дворник, увидев бегущего человека со связанными руками, попытался его остановить – ведь за задержание сбежавшего преступника полагается серебряная медаль и денежное вознаграждение. Кроме того, ему, как внештатному, но секретному сотруднику Охранного отделения, просто полагается принять меры к задержанию преступника! После чего его могут пригласить в штатные сотрудники отделения, и он станет получать уже

не разовые вознаграждения, но стабильное ежемесячное жалованье... А этот явно откуда-то сбежал. Ведь не зря же у него завязаны руки...

– Стой!

Дворник подставил под ноги бегущего метлу, и тот кубарем покатился по мостовой.

– Ага! – навалился на него всем телом дворник и стал шарить у себя по карманам, чтобы достать свисток.

Густав попытался освободиться, но как это можно сделать со связанными руками? Тем временем дворник нашел свисток и сунул его в рот. Сейчас он свистнет, и через минуту здесь будет городской...

– Ы-ых! – Густав изловчился, поднял голову и впился зубами в нос дворника. Вместо свистка тот издал вопль и зажал нос, встав на колени:

– Подлюка-а-а... Но-ос откусил, га-ад...

Густав ударил его коленкой в пах, вывернулся ужом из-под тела дворника, встал на четвереньки, потом поднялся на ноги. Кусок дворничевского носа все еще был у него во рту. Он выплюнул его, вытер рукавом с губ и подбородка кровь и побежал дальше. Дворник, заметив валяющийся кусок, поднял его и стал приставлять к месту, где тот еще был минуту назад. Очевидно, он полагал, что нос срастется. Потом, матерно ругаясь, побежал к себе в дворницкую, – видно, пришивать...

Густав добрался до нужного дома уже без особых помех. Человек с Сенной улицы устроил ему билет в Лодзь. Оттуда Густав нелегально переправился за границу и приехал в Цюрих, на квартиру «Центра». Через неделю был вызван в штаб-квартиру «Центра» в Женеве – и принял второе посвящение, став действительным его членом. Это значило, что его приняли в элиту «Центра». Выше был только ареопаг – Верховный Совет, куда входили настоящие вершители судеб. Но, чтобы быть причисленным к ним, надлежало получить третье посвящение, каковое давалось далеко не всякому.

Новым заданием «Центра» было убийство русского царя Александра Третьего. Он был приговорен организацией, и приговор необходимо было привести в исполнение. Для сей цели в Цюрихе был создан швейцарско-немецко-французский «Союз террористических фракций» и как его филиал – русская радикально настроенная группа «Террористическая фракция Народной воли» в Петербурге во главе с Ульяновым и Шевыревым. Густав сделал все, чтобы сия акция удалась, нашел и передал через своего кузена Исаака Дембо деньги, даже выбрал день – 1 марта 1887 года, дабы убийство царствующего сына перекликалось с убийством царствующего до него отца. Но увы. Не вышло...

Конечно, в том, что за одним из «метальщиков» давно уже следили фараоны, вины Густава не было. И все же он считал себя ответственным, что убийство русского царя не состоялось, и стал готовить новое, должное состояться осенью сего, одна тысяча восемьдесят восьмого года. И на тебе! Курьера, везшего деньги на проведение акции, обводят вокруг пальца какие-то мошенники из губернского городишки на Волге...

Конечно, он накажет их и постарается вернуть деньги. Но убийство царя Александра придется перенести на конец зимы или весну следующего года. На первое марта?

Глава 3

СМЕРТЬ АКТЕРА, или ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ

Команда Севы Долгорукова ликовала. Целую неделю.

Да и почему не ликовать, ежели они стали богаче на сто восемьдесят три тысячи рубликов? Это вам не какие-нибудь североамериканские доллары или испанские песеты. Это полновесные российские рубли!

– Такие деньги, и всего-то за две недели работы! – радовался Ленчик, собирающийся покупать себе новую шляпу, костюм-тройку и трость с набалдашником из мамонтовой кости. – Ты, Всеволод Аркадьевич, просто магик! Волшебник...

Ленчика было не узнать. Ежели бы его подельник Рыжий или колченогий напарник Митяй, с которыми Ленчик начинал свою карьеру махинатора и афериста, увидели его сейчас, они бы не признали его. Ленчик и сам себя прежнего не признал бы. Как будто это было в другой жизни: игра в «горку», вымогательство денег под угрозой жизни, приводы в участок, целые дни впроголодь и редкая удача, завсегда отмечаемая с водкой и девками...

А ныне? Нынче разговор иной. Сегодня не просто Ленчик, а икряной карась! Бобер, как назвал бы его Митя Выборгский. А ведь когда-то они приятельствовали с колченогим кидалой, который, как умел, учил его уму-разуму, и готовы были друг за друга порвать любому глотки. Был еще третий, вышибала Бабай, готовый постоять за них обоих. И стоял, когда в том была нужда. Что с ним, татаринном, стало? Что стало с Митяем Выборгским? А с Рыжим, с которым Ленчик провернул свою первую настоящую аферу с «золотыми полуимпериалами»? Живы ли они? А если живы, то, верно, постарели за столько-то лет.

Надо выбрать время и зайти к ним в «Гробы». Давно же собирался. Правда, неловко. Подумают, что он пришел хвастаться перед ними: вот, мол, где вы, а где я. А это совсем не так...

Да, жизнь есть жизнь. Колченогий Митяй продолжал катать шарик под скорлупками от грецкого ореха в трактире «Гробы» и облапошивать залетных простаков да подгулявших купчиков, Рыжий вообще занимался невесть чем и, как сказывали, опустился до ночлежки и беспробудно пьет горькую, а Ленчик, вишь, вышел в люди и теперь является полноправным членом команды лучшего мошенника и афериста в Поволжье, ежели не во всей России. Правда, бродят где-то по городам и весям Сонька Золотая Ручка, корнет Савин (вот уж кто первый махинатор в империи – правда, сразу за Севой Долгоруковым), князь Ираклий Чавчавадзе, обманным путем заработавший свои первые сто тысяч серебром в семнадцать лет, и бывший бессменный председатель московского клуба «Червонные валеты» Паша Шпейер... Ан нет, Шпейер не бродит. Он живет в собственном особняке на берегу Сены в Париже. Неплохо, следует признать, живет. И от элегантных афер и авантур, которые он раньше исполнял превосходно и, несомненно, чище и лучше других, перешел к явной уголовщине, не гнушаясь грабежами и даже мокрухой. Так что, господа, Всеволод Аркадьевич Долгоруков – самый честный и порядочный вор из всех мазов Российской империи. И, несомненно, лучший!

– Да, план был хорош, – поддакнул Ленчику Алексей Васильевич Огонь-Догановский, самый старший в команде Долгорукова. – Просто записывай его в учебник по околпачиванию простаков и преподавай по нему предмет «мошенничество» в академии афер и авантур!

Алексей Васильевич...

Отменный мошенник и карточный плут, каковых свет не видывал. Первый игрок был на Москве. Как и его батюшка, который обыграл первого пиита России Александра Пушкина в штос. Огонь-Догановскому в цирке бы выступать с карточными фокусами – всех Рангони и

Кастеляно затмил бы своим непревзойденным мастерством. Но он привык оставаться в тени. И не по числу прожитых лет, а по характеру. Зато его слова – на вес золота. Даже Всеволод Аркадьевич всегда прислушивается к нему, когда они замысливают новую аферу. Алексей Васильевич – старейшина в команде...

– Верно, – улыбнулся Самсон Африканыч Неофитов, которого все звали Африканычем. – Только вот почему хорош только план? А его исполнение? Разве хуже?

Африканыч был правой рукой Севы Долгорукова и мало в чем ему уступал. Хитроумный финт со скрипкой Страдивариуса, за которую они несколько раз выдавали охочим до наживы простакам обычную старую скрипку с потрескавшимся лаком, – его придумка. Простенько и со вкусом, как и все гениальное. Схема сей аферы весьма несложная: некто играющий роль впавшего в нищету музыканта – чаще всего в этой роли выступал Огонь-Догановский – приходил в скупку и предлагал продать его скрипку. Единственное, мол, что у него осталось. Старьевщик отнекивался: зачем-де ему такой товар, за который ни хрена не выручишь?

– Ан нет, – отвечал на это нищий музыкант. – Эта скрипка очень дорогая. Десять тысяч стоит. А может, все двенадцать. Я же прошу за нее всего-то три тысячи.

– Ничего себе «всего-то»! – возмущенно восклицал старьевщик. – Три тысячи – деньги немалые.

В конечном итоге нищий музыкант все же упрашивал хозяина лавки хотя бы на день-другой выставить скрипку в витрине – и, радостный, уходил. Вслед приходил другой – богатый и тоже радостный. И несомненный ценитель старины, прекрасно в ней разбирающийся. Обычно эту роль исполнял Давыдовский или сам Африканыч. Завидев скрипку, ценитель старины возгорался к ней интересом и предлагал старьевщику ее продать. Ему, разумеется.

– Это же скрипка самого Страдивариуса! – заламывал он в восторге руки и не сводил взгляда с предмета своего вожделения, стоящего, самое большее, рупь с полтиной. – Я дам вам за нее восемь тысяч!

Расчет строился на том, что хозяин лавки мгновенно произведет в голове простое арифметическое вычисление: $8-3 = 5$. То есть если он купит у нищего музыканта скрипку за три тысячи, а продаст за восемь, то чистый навар составит пять тысяч. Деньги практически ни за что! Из воздуха!

Такой расчет происходил в голове старьевщика, и он соглашался продать скрипку за восемь тысяч. Но чуть попозже. Ценитель старины, счастливый, уходил, обещая завтра же прийти с деньгами. Но назавтра первым появлялся в лавке нищий музыкант. Он требовал вернуть ему скрипку, поскольку родственники прислали ему деньги, и необходимость в продаже скрипки отпадала. Старьевщик же выставлял ему встречное предложение: он купит скрипку за три тысячи.

– Не-ет, – не соглашался нищий музыкант. – Эта скрипка дорога для меня как память.

– Три пятьсот, – поднимал цену старьевщик.

Музыкант не соглашался.

– Четыре?

– Нет.

– Четыре триста?

– Не могу, простите.

– Пять! – предлагал в конечном итоге хозяин лавки.

На пять музыкант соглашался. Получал деньги и уходил. А старьевщик производил в голове новый арифметический расчет: $8-5 = 3$. Три тысячи ни за что. Тоже неплохо... И принимался поджидать ценителя старины.

А он не шел.

Старьевщик волновался, но покупатель за скрипкой не шел и не шел! Он вообще больше не появлялся в лавке старьевщика. Никогда. И выходило, что скрипка ценою в рупь с полтиной была продана за пять тысяч. А что? Весело и доходно!

По части же соблазнения женского пола, барышень, вдовиц и замужних, Самсон Африканыч Неофитов был в их команде несомненным лидером. Он менял *дам сердца* едва ли не ежедневно. Конечно, когда был не занят *на службе*, как он им позже говорил, оправдывая свое отсутствие. Впрочем, по части времяпрепровождения с хорошенькими женщинами все в команде Севы были ребятами не промах...

– Да-а, в роли трупа ты смотрелся великолепно! – гоготнул Ленчик, вспомнив, как хрипел Самсон Африканыч, якобы испуская последнее дыхание, и вполне правдоподобно дрыгал ногами в «предсмертной» конвульсии. – Тебе бы в Городской драматический театр в актеры поступить. Цены бы тебе не было!

– В следующий раз уже ты будешь хрипеть и дрыгать ногами, – шутливо огрызнулся Неофитов. – Хорошо?

– Кстати, насчет следующего раза, – прервал разглагольствования членов своей команды Всеволод Аркадьевич. Правда, сию команду следовало бы называть шайкой, но для четверых дворян, бывших «червонных валетов», и примкнувшего к ним мещанина Ленчика называть себя шайкой было не по рангу. – Я тут придумал кое-что... Для этого нам снова понадобится Актер. Так что ты, – Сева посмотрел на Ленчика, – слетай и приведи его сюда. В любом виде.

– Слушаюсь, – ответил Ленчик и вышел.

Остальные перевели взгляд на Севу:

– Что за план?

– Небольшое коммерческое предприятие. Вернее, большое, – поправился Всеволод Аркадьевич. – По организации строительства железнодорожной ветки до Нижнего Новгорода или Рязани, которая соединила бы наконец Казань с общей сетью железных дорог, а стало быть, с Москвой и Петербургом. Ну, ежели этим не хотят заниматься власти или у них на то недостает денег, то почему бы не заняться этим частным лицам, у которых на подобное предприятие денег достанет?

– То бишь нам? – уточнил Ленка.

– Вот именно! И тем самым помочь родной власти в осуществлении столь давней мечты многих и многих тысяч жителей Казанской губернии. Уверен: его высокопревосходительство господин губернатор и городская управа нас в этом поддержат...

– А у нас, чтобы построить такую железнодорожную ветку, хватит денег? – задал резонный вопрос Огонь-Догановский.

– Хватит, – заверил его Всеволод Аркадьевич и усмехнулся. – Конечно, с божьей помощью.

Алексей Васильевич улыбнулся и покачал головой. Мол, с тобою, Сева, не соскучишься...

– Голова-а, – протянул Самсон Африканыч и с восхищением посмотрел на Долгорукова. – Да на такое коммерческое предприятие подпишутся все городские толстосумы... Выгода-то налицо: частная ветка железной дороги, за проезд по которой всем и каждому придется отстегивать ее владельцам стабильную денежку, размер которой можно будет повышать ежегодно. Ну, в связи с реконструкцией там или заменой старого оборудования на новое... Уф, от разворачивающихся перспектив просто голова разболелась.

Остальные члены команды – Огонь-Догановский и Павел Иванович Давыдовский – завожено молчали...

* * *

Актер – было прозвище отставного актера Городского драматического театра Павла Лукича Свешникова. Его нашел Долгоруков, когда ему понадобился для аферы с продажей дома с погребом, якобы полным дорогих коллекционных коньяков и вин, человек на роль фальшивого представителя «Товарищества виноторговли К. Ф. Депре». А кто лучше других может сыграть *роль*? Конечно, профессиональный актер.

Павел Лукич Свешников таковым как раз был. Во всяком случае, когда-то. Он был с треском изгнан из драматического театра за пагубную страсть употреблять водочку. Сильно употреблять. Или, как говорят господа врачеватели, злоупотреблять. Однажды, когда он слишком уж надолго впал в русскую болезнь – запой, по его вине сорвался спектакль. Его про-стили. Когда спектакль был сорван вторично, антрепренер имел с ним долгую и горячую беседу на высоких тонах, после чего Свешникову был предоставлен последний шанс. Павел Лукич клятвенно пообещал более не пить, и не пил. Целых две недели. А потом сорвался – и в третий раз завалил спектакль. Публика свистела и топала ногами, и особо рьяные театралы обещали больше никогда не переступать порога этого «говенного театришки». Естественно, после такого инцидента Свешников был с позором уволен.

Где, господа, найти отставного пьющего актера? Конечно, в Мокрой слободе. Ибо Мокрая слобода в Казани – все равно что Хитровка в Москве. Дно, так сказать. Да такое, что ниже некуда. Иными словами – конец пути.

Сева пошел. Туда, куда в ночное время стороннему человеку лучше не соваться, потому как возвратиться из этих мест можно голым, то бишь обчищенным громилами до нитки, – и это если повезет, ибо можно не вернуться и вовсе. И валяться потом трупом в каком-нибудь болотце, ибо Мокрая слобода потому и Мокрая, что болота да непролазная грязь.

Долгоруков, правда, пошел днем.

Ну, точно Хитровка – похожие тупички и закоулки, куда лучше не забредать даже в свет-лое время: те же ночлежные дома с «фатерами», занятыми бывшими мастеровыми, попро-шайками, блудницами, босьяками и прочей человеческой швалью. А еще беспашпортными и гулящими людьми, ворами и громилами. Жили здесь и люди, некогда бывшие *приличными*, допившиеся «до ручки» и опустившиеся донельзя. К одному из таких людей и направил свои стопы Всеволод Аркадьевич Долгоруков.

Когда он вошел в дом Бутова, в каковом разом помещались ночлежка, трактир и самого низшего пошиба притон, а иными словами – публичный дом, его разом обступили замызган-ные и оборванные дети.

– Дай, дай, – звучало со всех сторон.

Вот этого делать было нельзя. Стоило только сунуть одному пятак в протянутую руку, как на вас налетала пара дюжин малолетних попрошайек, ежели не более, и вы в сей толчее ни за что не уследите, как у вас уведут часы, ключи, портмоне, зонтик, трость, а то и запонки вместе с сорочкой.

Сева денег пацанам не дал, но мгновенно выявил в толпе детей заводилу, которого все слушались, и повел деловой разговор именно с ним. Заводилу звали Васьком. Васек свою ком-панию мигом разогнал и денежку получил сам, потому как именно он вывел Долгорукова на Свешникова. Правда, тот был не совсем трезв...

– Я был в театре лучшим! – заявил Свешников, гордо вскинув голову. – Я играл со ста-риком Писаревым и с самой великой актрисой Полиной Антипьевной Стрепетовой. Одним из условий ее контракта с нашим театром было то, чтобы мужа ее, Тихона Ивановича Кабанова в «Грозе» Островского, играл только я! И всегда был полный аншлаг. Три раза – верите? – целых

три раза я был бенефициантом, – продолжал он перечислять былые заслуги. – Меня ценили, и сам господин антрепренер Медведев говорил, что...

Актер вдруг замолчал, поник головой и тяжело вздохнул. Похоже, он и сейчас играл. Роль, которую ему определила сама жизнь: бывшего актера, знавшего успех, любовь публики и рукоплескания. И потерявшего все перечисленное из-за пагубной склонности закладывать за воротник, освободиться от которой не хватало сил, а теперь уже и желания...

– А еще какие роли вам приходилось играть? – спросил бывшего актера Сева Долгоруков, чтобы как-то поддержать разговор.

– Мне, молодой человек, – снова гордо вскинул голову Свешников, – много кого приходилось играть. К примеру, Аргана в «Мнимом больном» великого Мольера, Русакова в «Не свои сани не садись» господина сочинителя Островского, Мордоплюева из «Жениха...».

– Аргана? – переспросил Всеволод Аркадьевич.

– Аргана, – гордо вскинув подбородок, ответил бывший актер. И, закатив глаза, начал цитировать монолог... – Видите, до сих пор помню! – произнес он, когда закончил читать, ни разу не ошибившись.

– Что вы играли Аргана – это очень хорошо, – заключил Всеволод и взял актера с собой.

И тот отлично справился с предложенной ролью фальшивого представителя «Товарищества виноторговли К. Ф. Депре». Долгоруков же в результате отлично проведенной аферы выручил за дом с погребом восемьдесят тысяч, в то время как самая красная цена ему была не более двадцати.

Позже Свешников не раз приглашался «на массовки», а иногда и на «вторые роли», после чего Всеволод Аркадьевич всегда и без задержек выплачивал отставному актеру его гонорар.

Свешников выбрался из ночлежки, снял крохотный домик в Собачьем переулке недалеко от Рыбнорядской площади и даже завел экономку, которая время от времени исполняла для него роль супруги. Правда, невенчанной. Пил Павел Лукич по-прежнему, но в отчаянные запои не впадал. Ибо не с чего было уже особо отчаиваться – жизнь-то налаживалась...

Вот и на сей раз ему выпала роль сыграть самого себя – отставного пьющего актера, коему нигде было жить, а посему он вынужден прозябать в заброшенном доме. Роль была со словами. Ключевыми в них были следующие:

– Не убивайте меня! Я ничего никому не скажу...

Сыграл он ее превосходно.

* * *

Ленчик бывал у Свешникова и ранее. Так что шел он к нему, как к себе домой, не глядя по сторонам. Посему, свернув в переулок, едва не столкнулся с торопливым, хорошо одетым, плотно скроенным господином в очках с золотой оправой.

– Прошу прощения, – машинально произнес тот, вежливо обойдя Ленчика.

«Во-от, – сказал Ленчику тот, что сидел у него внутри. – Учись, как следует себя вести добропорядочным людям. Вежливость еще никому не навредила...»

Тот, что сидел внутри, всегда говорил правильно. А как бы сказал Ленчик еще совсем недавно? «Куда прешь? Не видишь, что я иду. Посторонись!» И что бы на это ответил тот, с кем едва не столкнулся Ленчик? «Сам куда прешь, остолеп?» Или «разуй глаза»? Ну и кому от этого стало бы лучше? Ленчику? Разумеется, нет. Перепалка его бы разозлила, и ежели бы он не сорвал свою злость на встречном, то выместил бы ее на ком-то другом. А тот – на ком-нибудь третьем, третий – на четвертом... И пошла бы эта злость и недоброжелательность по цепочке, возможно, нескончаемой. Ну и кому это надо?

А стало бы лучше тому, с кем едва не столкнулся Ленчик и который ввязался с ним в словесную перепалку? Тоже вряд ли. Так к чему злиться? Не лучше ли вот так культурно

разойтись, как и положено добропорядочным и воспитанным людям? Ведь настроение даже улучшилось от этого услышанного «прошу прощения», ей-богу, право...

– Это вы меня простите! – запоздало бросил в спину прохожему Ленчик. Тот полуобернулся, блеснув стеклышками очков, едва улыбнулся и заторопился дальше.

Калитка забора, за которым стоял домик Актера, была открыта.

– Э-эй, папаша! – крикнул Ленчик, ступив на крылечко дома. – Ты там живой?

Никто не отозвался.

Ленчик толкнул дверь. Она открылась, будто его поджидали. Он вошел в сени, неловко громыхнул пустым ведром и прошел в комнату. Актера в ней не отыскалось.

– Да где же ты? – весело крикнул Ленчик, поглядывая по сторонам.

Потом прошел в спальню, поглазел на пустую, аккуратно заправленную кровать. Заглянул на кухню. И... увидел Актера. Тот сидел на стуле, уронив голову на грудь. Ноги его были связаны. По груди в несколько рядов шла веревка, плотно прижимавшая спину Свешникова к спинке стула. Заведенные назад руки тоже были связаны.

Ленчик похолодел, заметив под стулом растекшуюся лужицу крови. А когда подошел к Актеру и поднял ему голову, то увидел, что рот его был широко раскрыт и в него засунуто... нет, точнее сказать, плотно забито – вафельное полотенце. Но не от этого Ленчика бросило в дрожь и он замер на время каменным изваянием. А от того, что у Актера не было глаз. Вместо них блестели в слизи и запекшейся крови пустые глазницы. А то, что еще недавно было глазами, растрескалось по щекам и подбородку...

Ноги перестали держать. Леонид присел рядом, на пустой стул, продолжая смотреть на Актера. Так он просидел не менее четверти часа, но эти пятнадцать минут показались ему одним мгновением. Нет, меньше, чем мгновением. Потом Ленчик поднялся и пошатываясь походкой поплелся к выходу. В сенях он едва не упал, снова споткнувшись о выставленное пустое ведро.

Когда он вышел из дому, то совершенно не знал, в какую сторону топать. Его голова отказывалась соображать, а в глазах стояло незнакомое лицо, некогда принадлежавшее Павлу Лукичу Свешникову, бывшему актеру Городского драматического театра. По этому лицу слезы стекали его глаза...

Когда Ленчик вернулся на Старогоршечную улицу и вошел в дом Севы, его было не узнать: серое лицо, какие-то дикие глаза, и в них застыли слезы.

– Что с тобой? – первый заметил неладное Огонь-Догановский.

Ленчик открыл рот, но слов не последовало.

– А где Актер? – спросил Сева Долгоруков, с тревогой рассматривая Ленчика.

– Он... там, – ответил Ленчик и указал куда-то рукой. И с трудом добавил: – Мертвый.

– Как мертвый? – не понял Сева.

– Мертвый, – повторил Ленчик. – Его убили.

– Надо идти туда, – тихо сказал Африканыч. Очень тихо, но его слышали все.

– Зачем? – спросил Долгоруков. – Чтобы напороться на фараонов и потом объясняться с ними, что мы там делали?

И тут Ленчик произнес фразу, заставившую всех насторожиться. И призадуматься. А еще понять, что Ленка стал опытным и матерым. Как и они все...

– Когда я шел к нему, мне навстречу попался один человек. Плотный, в очках. Вежливый такой.

– Ну и что? – спросил Долгоруков.

– Он как раз выходил из переулка, когда я в него заходил, – добавил Ленчик.

– Ну и что? – повторил свой вопрос Всеволод Аркадьевич, не спуская глаз с парня.

– Ты сам учил меня все подмечать, – не глядя на него, произнес Ленчик, впервые перейдя с Долгоруковым на «ты». До этого Леонид никогда не позволял себе этого: со всеми, включая Огонь-Догановского, он был на «ты», и только с Севой – на «вы». И вот впервые – «ты»...

– Ну, учил... – нетерпеливо промолвил Долгоруков. – И что такого ты увидел в этом человеке?

– Пусть он нам все расскажет, что увидел, – остановил Севу Огонь-Догановский. – Все, с самого начала.

И Ленчик рассказал...

Когда он закончил, повисло гробовое молчание.

– Так что, ты думаешь, что это тот, плотный в очках, его убил? – пытливо посмотрел на Ленчика Долгоруков.

– Не знаю, – ответил тот. – Но это – возможно.

– А что, все может быть, – раздумчиво произнес Огонь-Догановский. – Ведь Актера явно пытали.

– Ясно, что пытали, – согласился со «стариком» Африканыч.

– Зачем? – резко повернулся в его сторону Всеволод Аркадьевич. – Что такого было у отставного актера ценного, о чем он отказывался говорить? Денег у него не было, драгоценностей – тоже...

Какое-то время все молчали. Первым, кто облек в слова мысль, которая промелькнула в головах у всех, был Павел Иванович Давыдовский.

– Это мы, – сказал он, и все разом повернулись в его сторону. – У Актера ничего и никого не было, – добавил он. – Кроме нас.

Вновь наступившая тишина была еще тише гробовой. Все осмысливали слова, только что произнесенные Давыдовским, – и находили их справедливыми и одновременно зловещими. Это была правда, о которой не хотелось думать и которую не хотелось знать. Наконец, Сева сказал, ни к кому не обращаясь и одновременно обращаясь ко всем:

– Такие муки, какие вынес Актер, не вынести никому. И мы будем исходить из того, что Павел Лукич рассказал все, что от него хотели услышать. Или почти все. Что это значит? – Сева поочередно посмотрел на каждого из друзей. – А это значит, что нечто подобное может произойти и с нами. И нам теперь надлежит быть крайне осторожными...

– А что им нужно? – спросил Ленчик.

– А ты как думаешь? – ответил вопросом на вопрос Долгоруков.

– Деньги?

– А что еще, по-твоему?

– Так что, речь идет об этих ста восьмидесяти трех тысячах, что мы взяли в последний раз? – спросил Африканыч.

– Думаю, да, – ответил Всеволод.

– Но там же все как будто было чисто? – поднял в удивлении брови Неофитов.

– Вот именно, «как будто», – буркнул Огонь-Догановский. – Выходит, не все...

– Да чисто все было, чисто, – снова подал голос Африканыч. – Просто попался кто-то умный и хитрый и раскусил нас. Ведь этот простофиля не себе вез деньги, а кому-то...

– Он не говорил кому, – раздумчиво произнес Сева. – Но этот «кто-то», надо полагать, и прислал того человека, что встретил Ленчик.

– Это не факт, что тот, плотный в очках, и есть человек того, умного и хитрого, – заметил Давыдовский.

– Не факт, – согласился Всеволод Аркадьевич. – Но покуда мы именно так будем думать. Чтобы не попасть впросак и просто-напросто уцелеть.

– И что нам делать? – спросил Африканыч.

– Быть крайне осторожными. Не ходить по одному, – не раздумывая, ответил Долгоруков. – Предлагаю всем покамест жить у меня и выходить из дому лишь по крайней надобности. А тебе, великий ловелас, – Сева посмотрел на Неофитова, – придется повременить с твоими барышнями...

– Как скажешь, – кисло ответил Африканыч.

И потекли скучные дни бездействия, крайне ненавистные для таких деятельных натур, как Всеволод, Ленчик, Африканыч, Давыдовский и Огонь-Догановский.

Сева по объявлению в «Губернских ведомостях» (подавать объявление в газету ходили Ленчик с Давыдовским, но никакой слежки за собой не заметили, равно как и плотного господина в очках) нанял экономку – барышню годов двадцати пяти по имени Елизавета Матвеевна, весьма миловидную, – и она делала все работы по дому и готовила на всю компанию еду, покуда мужчины по целым дням пили вино и играли в карты, вяло обмениваясь ничего не значащими фразами. Кухарничала Елизавета Матвеевна, надо признать, весьма средне, но нанимать новую кухарку не было желания ни у кого. К тому же некоторые вещи, при угрозе самой жизни, отошли на второй план. Такие, к примеру, как вкусность еды или изящество костюма. И если у членов команды Долгорукова и не поменялось мировоззрение и привычки, то взгляд на разные жизненные обстоятельства стал иным...

Они гуляли в саду, вспоминали старых товарищей и золотые денечки, когда они все, кроме Ленчика, были членами клуба «Червонные валеты», после чего мрачнели и уединялись по своим комнатам.

Огонь-Догановский, по большей части, читал и сам с собой играл в карты или шахматы.

Ленька по целым дням смотрел в окно. Мысли текли вяло, с трудом пробираясь сквозь густой туман, наполнивший голову. Почему-то вспоминалось детство, нелегкое, но какое-то беззаботное, и больше всего на свете хотелось в него вернуться. Он даже запросто отдал бы все свои шляпы и трость с перламутровым набалдашником, только бы побывать в детстве хотя бы недельку. Или пару дней. Ну, пусть день. Чтобы не думать об угрозе, нависшей над всеми ними.

Давыдовский забавлялся тяжестями и постоянно отжимался от пола, кряхтя и отдуваясь. Этот сдаваться не думал и, похоже, мало заботится о завтрашнем дне. И если бы его спросили: «Что будет завтра?» – то он бы ответил: «Что будет – то будет»...

Всеволод Аркадьевич размышлял. Его лоб все время был в морщинах, но если бы к нему пристали с вопросом: «О чем ты думаешь?» – Сева не нашелся бы, что и ответить.

Африканыч страдал, томился и изнывал от отсутствия женщин. Несколько раз он пытался свести более короткое знакомство с Елизаветой Матвеевной, но всякий раз получал от нее полный отлуп. Его чары на нее не действовали, как он ни старался. Похоже, она была еще девицей и ждала того единственного, каковым Африканыч не являлся.

Первым не выдержал Ленчик.

– Нет, я больше так не могу, – сказал он как-то за завтраком. – Нам что, всю жизнь так вот жить? Болото же какое-то, а не жизнь. В голове сплошной туман, мысли дурацкие одолевают... Давайте же что-то делать!

– И правда, Сева, – поддержал Ленчика Неофитов. – Ну прозябание же полное. Мы же...

Он замолчал, потому как в комнату вошла Елизавета Матвеевна. Извинившись за вторжение без стука («Вы сидели так тихо, и я подумала, что никого нет»), она собрала кое-какую посуду со стола и вышла столь же незаметно. Все время недолгого нахождения ее в комнате Африканыч не сводил взгляда с ее полной груди и, когда она вышла, вздохнул. Тяжко и печально.

– Ты что-то хотел сказать? – напомнил ему Долгоруков.

– Я? – недоуменно спросил Неофитов и сделал такое лицо, как будто только что прилетел с планеты Марс. – Я молчу...

– И у меня терпение на исходе, – сказал Огонь-Догановский. – Тоска все нутро выела.

– И у меня, – сказал последним Давыдовский.

– Что, все высказались? – посмотрел на своих товарищей Долгоруков. – Может, вы думаете, что мне весело? И нравится так жить? И я просто счастлив видеть ваши кислые физиономии ежедневно и ежечасно? И выслушивать это ваше нытье?

– Мы так не думаем, Сева, – сказал Огонь-Догановский. – Но надо же что-то делать.

– Что? Что ты предлагаешь делать?

– Давайте думать вместе...

– Я думаю! И думаю вот что... – Всеволод Аркадьевич встал и начал расхаживать по комнате. Сейчас он чем-то походил на учителя, который излагает сложный урок перед своими учениками. – ...Что у человека, которого послал сюда тот, умный и хитрый, терпение тоже на исходе. Ведь он послан сюда с определенной целью: вернуть деньги и наказать нас. Так?

– Разумеется, – ответил за всех Огонь-Догановский.

– Но ничего у него не получается, нас не достать. – Сева ненадолго задумался. – Что в таком случае сделал бы я? Я постарался бы как-нибудь выманить кого-то из нас из дому. То есть спровоцировать ситуацию, коли уж она не получается естественным путем, чтобы достать нас. Или хотя бы переговорить...

– Мне тоже кажется, что плотный в очках скоро что-нибудь предпримет, – сказал Давыдовский. – И тогда мы хотя бы будем знать, как нам действовать дальше.

– Вот именно, – посмотрел на него Всеволод Аркадьевич. – Стало быть, нам остается только ждать, что такого предпримет человек, посланный умным и хитрым. И ждать, я полагаю, нам остается недолго...

Сева оказался прав.

В один из жарких июльских вечеров в дверь дома постучали. Открывать пошли двое: Долгоруков и Давыдовский, а то мало ли что. Всеволод Аркадьевич встал напротив двери, а Павел Иванович – сбоку, чтобы сподручнее было залепить незваному визитеру в ухо, коли тот станет вести себя неподобающим образом.

На пороге стоял мальчишка в широченных штанах и картузе без козырька, похожий на юнгу со списанного корабля. Говорок у него был разбитной; похоже, основным его воспитателем была улица.

– Мне Долгорукова надо, – безапелляционно заявил он Севе, поглядывая то на него, то на Давыдовского.

– Я Долгоруков, – произнес Всеволод Аркадьевич, уже понимая, что визит мальчишки есть начало чего-то такого, что может перевернуть всю жизнь.

Обычно разного рода катаклизмы, будь то буря природная или житейская, случаются с предвестием какой-либо мелочи: птицы, к примеру, разом запоют (или замолкнут), легкий ветерок вдруг налетит, взявшись совершенно ниоткуда, либо произойдет встреча, которой в твоей жизни не должно было случиться, но она, видишь ли, случилась. И потом все идет наперекосяк. И падают деревья, вырванные с корнем. И с неба льет так, будто там, наверху, провало какую-то небесную плотину. И любое дело, за какое ни возмись, валится из рук. А в голове возникает вдруг такое смятение, что рушится весь жизненный уклад, и ты, взяв в руки котомочку, срываешься с насиженного места и летишь куда глаза глядят, потому что уже не можешь иначе. А начиналось все с такой вот мелочи...

– Точно? – Мальчишка недоверчиво посмотрел на Севу.

– Точно, – заверил его Долгоруков.

– Письмо тебе, – произнес мальчишка и сунул в руки Всеволода Аркадьевича четвертной листок, сложенный пополам.

– А от кого сие письмецо? – осторожно спросил Долгоруков.

– Господин один велел передать, – ответил мальчишка. – Он сказал, что ты все поймешь.

– Так и сказал? – спросил Сева, разворачивая листок.

– Ага, – ответил мальчишка и шмыгнул: – Ну, все, я пошел.

Однако, сказав это, он остался стоять. Было понятно, что за доставку письма пацан ожидает благодарность в виде хотя бы малой денежки, хотя, скорее всего, вознаграждение он уже получил от того, кто написал это письмо и велел передать. Уличные мальчишки, господа, за просто так не работают. Не таковское у них воспитание...

Всеволод Аркадьевич пошарил по карманам своего архалука, но в карманах было пусто. Он посмотрел на Давыдовского, и тот, сунув пальцы в жилетный карман, достал новенький серебряный рубль.

– Премного благодарны! – загорелись глаза мальчишки, и он точным и ловким движением выхватил серебряный кругляк из руки Давыдовского так, что тот и глазом не успел сморгнуть.

– А тот господин, что передал тебе письмо, он такой... в очках? – спросил Сева, разворачивая письмо. Но мальчишки уже простыл и след.

Письмо было простым и понятным, как кухонный табурет:

«Господин Долгоруков.

Сегодня в десять часов вечера буду ожидать Вас в саду «Русская Швейцария» в кондитерской господина Прибыткова. Вас я узнаю сам. Вы должны быть один и без оружия. В случае Вашего отказа или невыполнения моих требований я убью Вашу экономку. Надеюсь на ваше благоразумие».

Подписано письмо было так: *«Гость».*

Всеволод дважды прочитал его, потом передал Давыдовскому.

– Я пойду с тобой, – заявил Павел Иванович, прочитав письмо.

– Ты внимательно читал? – спросил Сева.

– Внимательно, – ответил Давыдовский.

– А мне кажется – нет, – нахмурился Всеволод Аркадьевич. – Там же ясно сказано: один и без оружия. А еще сказано, что в случае невыполнения его требований он убьет экономку. Девушка-то эта в чем виновата?

– Все равно я пойду с тобой, – продолжал настаивать Давыдовский. – Незаметно.

– Не беспокойся, этот – заметит.

– Но ты же сам говорил, что нам нельзя никуда ходить поодиночке, – уже без всякой надежды буркнул Павел Иванович.

– Говорил... Но это не тот случай. Я пойду один, – твердо произнес Долгоруков.

Письмо было оглашено Севой всем остальным. Члены команды погрустнели, хотя все и ожидали нечто подобное. Встреча Долгорукова с этим неизвестным господином могла кончиться весьма плохо. Не обязательно смертью Севы, но точно чем-то таким, что перевернет весь их прежний необременительный жизненный уклад. И заставит поживать как-то по-иному.

Всеволоду Аркадьевичу еще раз пришлось отбиться от предложения уже Ленчика пойти с ним, а потом он впал в глубокую задумчивость. Тревожить его не стали: знали, что, ежели Сева вот так задумывается, – стало быть, решается какая-то проблема или составляется план. И он – это уж будьте благонадежны – обязательно сработает...

Глава 4

ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ, или ДОРОГА В ЦЮРИХ

Некогда на месте сада «Русская Швейцария» стояла прекрасная липовая роща, одна из тех, которыми начинался дремучий Арский лес, тянувшийся до самого Арского городка-засеки. Когда границы губернской Казани стали приближаться к этой роще, некоторые зажиточные горожане начали строить в ней загородные дома, дабы проводить в них лето, отдыхая от трудов праведных: качаться в гамаках, пить в летних беседках чай с вареньем и бубликами и вести душевные разговоры.

Место это на крутом берегу реки Казанки было очень приятным, отдохновенным и живописным и скоро стало застраиваться домами, при которых разводились сады и прокладывались аллеи. Сады были открыты для публики, и нередко сюда заглядывали профессора Императорского Казанского университета, преимущественно из немцев, дабы побродить по красивой роще, испещренной холмами и оврагами, столь напоминающими им ландшафт Швейцарии. Один из них, ординарный профессор физики Ксаверий Иванович Броннер, и придумал это название – «Русская Швейцария», с его легкой руки это место и стало так прозываться у остальной казанской публики.

Сам профессор Броннер был в Казани личностью известной и прелюбопытнейшей. Начальное образование, как это ни странно, он получил в женской монастырской школе, а затем поступил в иезуитскую семинарию города Диллингена. Скоро он принял послушание в монастыре Святого Креста в Донауверте, а через год, выдержав испытание, постригся в монахи-бенедиктинцы, и на деньги сего ордена постигал за границей математические науки. Он сумел дослужиться даже до чина пресвитера, потом бежал из ордена от преследований, работал журналистом в какой-то бульварной газете. А немного позже перебрался в Швейцарию, откуда был приглашен в Казанский университет. В возрасте шестидесяти двух лет женился на молодой гувернантке, и его частенько можно было увидеть с тремя отпрысками, прогуливающимися по «Русской Швейцарии».

Здесь бывали многие знаменитости. Известный литератор и театрал Иван Панаев водил сюда девиц и, прислонив к липовому стволу, целовал их в губы и истекал юношескими соками. Будущий прославленный бытописатель Сергей Аксаков ловил здесь бабочек для своего гербария. А знаменитая народоволка и террористка Вера Фигнер, будучи еще воспитанницей Родионовского института благородных девиц, выросшего в северной части сей липовой рощи, сочиняла стихи...

*Зачах ты в страданиях неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Достоин был лучшей ты доли,
Мечтал ты о смерти иной...*

Параллельно с написанием стихов она вынашивала вместе с сестрой Евгенией планы убийства государя императора, и тенистые аллеи «Русской Швейцарии» помогали течь мыслям в нужном русле.

Со временем сад еще более облагородили, поставили скульптуры, стилизованные под античность, навели над оврагами симпатичные мостики и открыли летний ресторан – все, мол, для публики, все для горожан. «Русская Швейцария» и правда стала излюбленным местом отдыха, а на Троицын день – центром народных гуляний. В «Русской Швейцарии», казалось, собирался весь город. Зрелищ хватало всем: качели, балаганы, механический театр и соба-

чьих концерты, передвижной цирк с гуттаперчевыми акробатами и вольной борьбой. Приезжие могли остановиться в гостинице, которая располагалась недалеко от центрального входа в парк. А перекусить и отдохнуть публика отправлялась в кондитерскую. В сей кондитерской седьмого сентября 1833 года пил кофей титулярный советник при Министерстве внутренних дел и пиит Александр Пушкин. Он осматривал Арское поле, работая над своей «Историей пугачевского бунта», и зашел сюда немного отдохнуть и подумать над своей исторической монографией.

Пил кофей за отдельным столиком и плотный господин в очках с золотой оправой, когда Сева вошел в кондитерскую. Он повернул лицо в его сторону, окинул острым взглядом фигуру Всеволода Аркадьевича на предмет припрятанного револьвера и удовлетворенно кивнул ему, слегка приподняв руку в приветствии: мол, вот он я.

Долгоруков жест увидел и подошел к столику:

– Разрешите присесть?

– Да, конечно, – господин в очках был сама галантность. – Очень, очень рад, что вы проявили благоразумие и пришли, спасая тем самым невинную душу.

– Где она? – с ходу спросил Сева, усаживаясь за столик.

– Вы имеете в виду душу или милейшую девицу Елизавету Матвеевну?

– Вы знаете, кого я имею в виду, – не очень вежливо ответил Всеволод.

– Она в надежном месте, – отхлебнув из чашки, спокойно произнес человек в очках с золотой оправой. – И как только мы с вами *договоримся*, она будет свободна.

– И о чем мы с вами будем договариваться? – сухо спросил Долгоруков.

Человек в очках, казалось, весьма искренне удивился:

– Как это «о чем»? Вы обманным путем присвоили чужие деньги, милейший. И должны их вернуть.

– Это невозможно. Деньги забрала полиция, – запустил Всеволод Аркадьевич пробный шар.

– Зря, – собеседник даже, кажется, обиделся. – Зря вы так со мной, Всеволод Аркадьевич. Скажу вам по совести, вы ведете себя крайне неразумно. Ваш друг актер мне все рассказал. Правда, не сразу, пришлось немного повозиться... – При этих словах человек в очках напрягся, словно готовясь отразить удар, потому как Долгоруков едва сдержался, чтобы не нанести его. – Но, в конце концов, он поведал мне все, что я хотел знать. Хорошая была проведена вами афера, грамотная. Классическая, я бы сказал. Только вот в одном вы промахнулись...

– В чем же? – спросил Сева, поверивший, что Актер все рассказал. Да оно и понятно: кто ж стерпит такие муки?

– А в том, что вы «кинули» курьера столь могущественной организации, что при желании она может стереть вас в порошок в одно мгновение. Ведь это были ее деньги.

– Прямо-таки в порошок? – посмотрел Долгоруков в глаза человека, сидящего напротив.

– Прямо-таки так, – спокойно ответил тот, не опуская взгляда. – И прошу вас, поверьте мне на слово.

– Хорошо, – после недолгого молчания произнес Всеволод Аркадьевич. – Только деньги я вернуть не могу.

– Почему?

– У меня их нет.

– А где они?

– Я их раздал...

– И что, собрать обратно невозможно? – участливо посмотрел на Севу собеседник.

– Думаю, невозможно.

Человек в очках сделал еще глоток:

– Тогда завтра, господин Долгоруков, вы получите по почте посылку. В ней будет голова насильственно убиенной девицы Елизаветы Матвеевны, совершенно не повинной в ваших

махинациях. Убиенной практически вами. Вернее, вашим неумным упрямством. Потом, через малое время, поверьте, безвременно уйдет из жизни ваш друг и товарищ Самсон Африканыч Неофитов, умница, красавец и ловелас. За ним следом отправится нестигаемый Павел Иванович Давыдовский, незаконно присвоивший себе титул графа и тем самым «подставивший» своего батюшку, который этот титул должен был получить законно по высочайшему волеизъявлению. Следом за ним отправятся к праотцам самый молодой из вашей компании Ленчик и самый старый – Алексей Васильевич Огонь-Догановский, папаша какового обыграл поэта Александра Пушкина в штос на двадцать пять тысяч рублей серебром. Как вы, полагаю, уже убедились, – человек в очках с золотой оправой мило улыбнулся, – мне о вас известно многое. Почти все. Равно, как известно все о вас и организации, интересы которой я представляю. Ну, а последним будете вы, милейший Всеволод Аркадьевич. Почему последним? – он снова улыбнулся. – Да чтобы перед смертью вас свел с ума страх и загрызла совесть...

Какое-то время Сева молчал. Спорить не имело никакого смысла. Было очень похоже, что все будет именно так, как говорит человек в очках с золотой оправой. Если, конечно...

– У меня будет к вам другое, встречное предложение, – тихо произнес Долгоруков.

– Какое же?

– Позвольте, я достану для вашей организации деньги иным путем, – попросил Сева.

– Каким же? – перестал улыбаться человек в очках.

– Проверну новую крупную аферу, – ответил Всеволод Аркадьевич и посмотрел прямо в глаза собеседнику.

– Я думаю, это не устроит мою организацию, – не раздумывая, ответил человек в очках.

– Денег будет много больше, чем те, которые вез организации ваш человек, – твердо сказал Долгоруков.

– Насколько больше? – проявил некоторый интерес собеседник Всеволода Аркадьевича.

– Думаю, тысяч триста.

– Я один не могу решать подобного рода вопросы, – раздумчиво произнес человек в очках с золотой оправой. – К тому же деньги нужны нам к определенному сроку.

– Вся операция не займет больше двух недель... – продолжал настаивать Долгоруков.

– Я не решаю такие вопросы, – повторился собеседник.

– А кто решает?

– Густав, – последовал ответ. Правда, не сразу.

– Кто такой Густав? – спросил Сева, поняв, что обладатель такового имени и является главным во всей этой затее.

– Неважно, – услышал Сева ответ, который и предполагал услышать. Но он укрепил его во мнении о Густаве.

– Хорошо, – закончил разговор, более похожий на словесную перепалку, Всеволод Аркадьевич. – Тогда устройте мне встречу с этим Густавом.

– Зачем? – поднял на Севу брови его собеседник.

– Поговорить, – просто сказал Всеволод Аркадьевич. И добавил: – Убить меня вы всегда успеете.

– Это верно, – ухмыльнулся человек в очках.

– Так что? – нетерпеливо спросил Долгоруков.

– Хорошо, – немного подумав, ответил собеседник Севы. – Я устрою вам такую встречу.

– Но перед этим вы отпустите мою экономку, – выдвинул условие Всеволод Аркадьевич.

И получил вполне определенный ответ:

– Нет.

– Почему?

– Я не верю вам.

– Но я же пришел к вам на встречу! – едва не воскликнул Сева.

– Пришли, – насмешливо посмотрел на него человек в очках. – Это потому, что я загнал вас в тупик.

– Но, помимо экономки, под угрозой мои товарищи, – быстро сказал Долгоруков.

– Опять с вами соглашусь, – подтвердил собеседник Всеволода Аркадьевича.

– Вот видите, вы согласны с этим. А мне жизни моих товарищей дороже судьбы какой-то экономки, которую я нанял всего-то несколько дней назад, – как можно убедительней произнес Долгоруков.

– Тоже верно, – сказал человек в очках с золотой оправой.

– Вот видите! – повторился Сева. – Я еду с вами к этому вашему Густаву, а вы отпускаете экономку. Я не сбегу по дороге, поскольку заложниками остаются мои друзья. Это же ясно, как божий день. А потом уже я делаюсь заложником этого вашего шефа.

– Мне кажется, вы не слишком уважительны к Густаву, – заметил плотный человек в очках.

– Прошу прощения, – быстро извинился Сева. – Так что скажете?

– Что ж, – раздумчиво произнес тот. – Пожалуй, я приму ваше предложение...

– А куда ехать? – спросил Всеволод Аркадьевич.

– В Швейцарию, – коротко ответил человек в очках и насмешливо посмотрел на Севу. Долгоруков и правда был у него в руках...

* * *

– Ты что, поедешь один?!

– Один.

– Этого никогда не будет!

– Это будет уже завтра.

– Ты сошел с ума, Сева.

– Это единственный наш выход. Иначе всем нам каюк. Крест, выражаясь языком, принятым в среде арестантов Московского губернского острога. Разве это не понятно? – начинал кипятиться Всеволод Аркадьевич.

– Ты не прав. Если ты поедешь туда один, то тебе будет крест, – едва не заорал на него Давыдовский.

– Хорошо, хорошо, мы поедem с тобой вдвоем, – из последних сил старался быть спокойным Долгоруков. – И нам обоим там придет крест. Чем это лучше, нежели крест будет мне одному? Да и не факт это, Паша. Если бы этот плотный в очках хотел меня убить, то уже убил бы. Им нужны деньги, и мы достанем их. И отдадим им свой долг. Может быть...

При последних словах Всеволод Аркадьевич зло и мстительно усмехнулся, что привело всегда спокойного и рассудительного «старика» Огонь-Догановского почти в бешенство:

– Ты что задумал? Кинуть их?!

Таким Алексея Васильевича мало кто видел.

– Имеется такая мыслишка...

Огонь-Догановский аж привскочил в кресле:

– Не смей даже думать об этом!

– Я уже подумал, старик...

– А с чего ты решил, Сева, что они тебе позволят проверить новую аферу? – нервически спросил Давыдовский. Нервическим «графа» трудно было даже представить...

– Я их об этом попрошу, – ответил Всеволод Аркадьевич не без язвительности в голосе.

– Ты сумасшедший, – продолжал психовать самый старый из бывших «валетов». Таким Огонь-Догановского и в самом деле мало кто видел. Разве что в молодости...

– Не-ет, – Сева выразительно посмотрел на него. – Я в своем уме... Они думают, что они – вершители судеб и могут крутить людьми, как пожелают: хотят – казнят, хотят – милуют. Не-ет, – снова протянул Долгоруков, – с нами такой номер не пройдет. Не на тех напали...

– Но раз они послали этого плотного в очках, значит, догадались, что мы кинули их курьера! И Актер лишь укрепил их в этой мысли, – ввел новый аргумент Африканыч. – Почему ты думаешь, что они снова не догадаются, что ты их кинул?

– На сей раз все будет происходить у них на глазах, – повернулся к Африканычу Сева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.